

РАБОТА

Станок упорно не хотел работать: два-три оборота подающего диска — и сверло взвизгивало, ломалось, а деталь дрожала в цанге, готовая вырваться и вылететь к чертям.

В сотый раз мы ломали голову: что происходит?

Разбирали узел за узлом, проверяли детали, пересчитывали передачи — все правильно, должна быть обеспечена и заданная точность, и надежность...

Вновь собирали станок, включали — и все повторялось сначала.

План висел на волоске. Прогрессивка — тоже. И волосок этот становился все тоньше и тоньше: оставалось три дня до конца квартала.

Вечером, когда во всех отделах было тихо, и темные окна грустно смотрели на занесенную снегом улицу, мы — я да слесарь Женя Семенов — устало сидели у станка, курили и молчали.

Я с досадой думал, что Света, конечно же, обидится: несколько дней назад мы договорились пойти вечером в кино. Сегодняшним вечером. Кто тогда мог подумать, что станок будет выкидывать подобные коники да еще с упрямством осла. И к тому же надоело все до чертиков, а особенно этот упрямый, не поддающийся никакой логике станок.

Виножник же всеэтих переживаний стоял, залитый ~~мим~~ светом, немного испачканный маслом, свежоокрашенный и вид имел вполне respectable.

Женя бросил сигарету в урну:

— А, черт с ним! Пошли по домам. Надоело.

Я промолчал.

Часов в девять заглянул в цех директор. Постоял, посмотрел на нас, дал ценное указание: "Думайте!" — и ушел.

— Тоже волнуется, — ехидно улыбнулся Женя.

... Всю ночь я крутился ужом: закрыл глаза, а вижу одно и то же — шестереночки проклятые сизо поблескивают, рычаги оксидированные ходят, туда-сюда качаются, цанга деталшки крепко-накрепко зажимает и вращается. Только во сне обрадуюсь — вдруг крик! — и звон в ушах. Проснусь, лежу весь в поту...

Утром вызвал меня начальник отдела:

— Что вчера?

Я взорвался:

— На танцы ходил! В дом офицеров! Мороженое жрала — по три порции. Так весело.

— Перестаньте паясничать, Сергеев! План трещит, а он цирк изволил устроить. Сегодня станок должен заработать!

— А вы приказ издайте, может, он и заработает.

— Я вам издам! Он-то заработает, но и вы заработаете у меня тоже!

Разложил чертежи. Смотрю. Красивые, как в кино: линии четкие, боковка к буковке, цифирь к цифири. Интересно, почему от такого красивого слова "цифирь" отказались? Послушайте, как звучит: ци-фирь, пи-фирь", словно птицы поют.

Ребята — коллеги подошли. Думаем.

Вот ремешок ползает, вот редуктор — здесь все как надо, сто раз уже применяли такие. Кулачок подачи сверла. Все, как в лучших домах... А не работает!

Начинаю рассуждать: сверло ломается. Входит в металл — поет, выходит — кричит. Может, в этой музыке и весь фокус? А что, если увеличить подачу на входе, и уменьшить на выходе. А, черт с ним, чем я рискую! Должно помочь.

Черчу кулачок подачи. Бегу к Ивану Павлычу — начальнику цеха.

— Сделайте побыстрее. Последний шанс!

А он сделал... глаза большие:

— Шутить изволите? У меня никто не гуляет, все план делает.

Ичусь вдвоем с начальником к Главному.

Главный звонит Иван Павлычу, пытается договориться.

Павлыч упирается.

Тогда Главный бросает в трубку:

— Надо сделать. Через час доложите.

И кладет трубку на рычаг. А мне:

— Не пустите, уволю!

Весело...

Бегу к Иван Павлычу.

Тот, естественно, волком глядит. Но берет эскиз, сам лично спускается по лесенке из кабинета своего застекленного в цех. Вижу через окно, как он к бригадиру подошел, ^{о чем-то} ~~что-то~~ спорит с ним. Потом резко рукой машет, видно, отрубил бригадиру насчет "через сорок минут доложите, а не то..." Бригадир идет к рабочим.

Два часа свободы. Сижу в отделе отдыхаю.

Опять шеф подходит:

— Сергеев, работайте. Есть время, чертите шлифовальную

головку. У вас тут что-то не то с осцилляцией. Чертите, не то следующий месяц сорвете.

А как ее чертить, если у меня одно в голове: кулачок новый?

В два часа звонит Иван Павлович: готов кулачок. Даже подкаляли. Все как положено.

Ну, держись, товарищ Сергеев! Сейчас проверим, в какую сторону твои шарики крутятся.

Лечу в цех. Даже от лифта отказываюсь: очень уж медленно лифт идет. Лучше уж бегом, через три ступеньки, все шесть этажей.

Женя, скептически взвесив кулачок в руке, начинает разбирать вал. Он столько раз его разбирал, что справился за секунд^{да} тридцать. Зато при сборке конфуз: кулачок на вал не лезет! Не лезет, хоть караул кричи: шпиночный паз ниже сделан. Опять бегу к начальнику, опять к Ивану Павлычу, опять вверх-вниз...

Часов в пять собрали.

Работа кончилась, а у нас представление. И шеф здесь, и Главный здесь, стоят, волнуются. Загружаю в бункер детали, тайком плюю через левое плечо три раза.

И нажимаю кнопку.

Первая деталь — прошла.

Вторая деталь — прошла.

И третья... и десятая... и сотая...

Идут! Есть же на земле справедливость. Идут.

Завтра заказчика вызовем. Сдадим...

Звонит Свете. Радость распирает. Я — гений.

А Светы нет. Нет дома. В кино ушла...

— Как в кино? С кем в кино... Извините...

Стою у телефона. А мимо шеф вышагивает, в пальто, торопится. Глаза добрые. Видно, доволен.

Ему-то что: он-то женат.